

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО*.

I.

27 июля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностью, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдями, которые хотѣли ея завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи Козачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершенно было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею всѣ Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распался на *козаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привилегированный классъ; — положеніе послѣднихъ не бы-

(*) Настоящій отрывокъ былъ читанъ на публичныхъ лекціяхъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ въ январѣ 1861 года. Авторъ преимущественно пользовался дѣлами Архива иностранныхъ дѣлъ; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онѣ, подъ его редакціею, скоро будутъ изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свѣдѣній, почерпнутыхъ не изъ этихъ дѣлъ, означено въ ссылакахъ.

ло ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всѣ повинности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній; — со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія старобства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были тоже, что и они, и въ свою очередь сами теперь хотѣли быть козаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а признанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, не смотря на козацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ козакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространить козачество на всю массу народонаселенія Украины противодѣйствовало другое направленіе — ограничить козацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; ибо съ представлениемъ о козакѣ соединялось понятие о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всѣ хотѣли быть козаками, всѣ шли на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорокъ тысячъ изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Противодѣйствіе посполства, исключаемого изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословіи возникло раздвоеніе: образовались козаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настоящіе, такъ и бывшіе (бунчуковыя товарищи) шляхтичи, приставшіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки *простые*, которыхъ значные называли *козацкою чернью* и которые, при случаѣ, готовы были противодѣйствовать возвышенію значныхъ. Сами, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнять себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ успѣніемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но онъ, пользуясь всеобщимъ къ

себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радою, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радою начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они бѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе козаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовыми* козачествомъ ⁽¹⁾, какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Україною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ козачества, хвалились, что не городовые казаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а *низовое* козачество должно преимущественно распоряжаться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи ⁽²⁾. Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, по видимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ козакамъ это правилось, посольству, хотѣвшему равенства, еще болѣе, и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ козаковъ и посольство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ изъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончаться только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный изъ простыхъ козаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныхъ не соединяло единство намѣреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ пре-

(1) Лѣтоп. Самов. 38. — (2) Лѣт. Велич. 1,309.

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же непріятностямъ отъ своихъ то-варищей.

Въ отношеніи къ соседнимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ было двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ козакамъ—кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не нравился, а потому, что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы и Украины, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соотвѣтствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ называемыми *правами и вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ комиссарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключеніи виленскаго договора—что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великороссіянъ надъ тѣмъ, что въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Сѣвальною⁽¹⁾. Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы козаки не носили красныхъ сапоговъ, а непременно всѣ обулись въ черныя, а посполитые одѣвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ⁽²⁾. Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украины къ Польшѣ⁽³⁾ и не уничтожилъ бы

(¹) Ист. Рус. 145 — (²) Hist. pan. Jan. Kaz 1. 182. — (³) Лѣтод. Велич. I. 366.

Козачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщалъ возвратить Польшѣ все земли, отъ нея отторгнутыя ⁽¹⁾. Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ нѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій, — и теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Еленѣ ⁽²⁾, Константинъ и Оедоръ, дядя его Василій, овруцкій полковникъ, и племянникъ Ильа ⁽³⁾; воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, эсаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи — Григорій Лѣсницкій, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральнымъ писаремъ; обозный Тимофей Носачъ, человекъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человекъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петро Дорошенко, лубенскій — Швець, черниговскій — Іоанникій Силичъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не винницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, подиѣстрияскій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кievскій полковникъ Ждановичъ, смѣненный по волѣ царя за походъ противъ Польши — люди также получившіе образованіе ⁽⁴⁾. Къ этой партіи принадлежали нѣкоторые знатныя украин-

⁽¹⁾ Полн. Собр. Зак. I. 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

⁽²⁾ Лѣт. Велич. I. 377. 13.

⁽³⁾ Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. rap. Jan. Kaz. I. 398. Полн. Собр. Зак. I. 304.

⁽⁴⁾ Лѣт. Велич. I. 328. Лѣт. пов. о Мал. Рос. 11. 6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

скія козацкія и шляхетскія фамиліи, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северины, Нечай (¹), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казненаго въ Павлолѣ, въ 1652, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозѣнко*, неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный — Юрій Немиричъ. Потомокъ древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немиричъ былъ наслѣдникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства воспитанъ тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ тотъ вѣкъ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Бельгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и рациональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталъ къ Хмельницкому первый разъ, спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Незвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ Зборовскаго мира, но съ 1653 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна Казимира, Казимиръ Бенѣвскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что козаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признаетъ ихъ свободными, и если козаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ *правъ и вольностей*, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много имѣли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ родило съ

(¹) Лѣт. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московіи. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что не смотря на единство вѣры, они далѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрческой Московіи, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія кое-какъ заглашались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прежнее недовѣріе. Сильвестръ Косовъ умеръ. Бутурлинъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъяснилъ духовнымъ—епискому Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю—царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское «поискало милости государя и показало совершенно правду свою къ великому государю: захотѣло бы итти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому.» Украинъ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать новаго архипастыря вольными голосами. Воеводы настаивали, чтобъ избраніе не было, пока не испросятъ благословенія патріарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были по неволѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдавалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевского митрополита. Признать надъ собою власть московскаго патріарха они ни за что не захотѣли, да и не могли, еслибъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать связь въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлинъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, епископы польско-русскіе спрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ ихъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, а Бутурлинъ писалъ къ Выговскому, выставя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, извѣщалъ, что пошлетъ козацкихъ пословъ на избраніе митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые мѣщане въ го-

родахъ для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польши, прибѣгали къ Польшѣ.

Другая партія—если можно всю массу народа назвать партіею — держалась слѣпо царя московскаго. Чувство единства вѣры и племени инстинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ большую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозящей опасности понасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые козаки и все посольство будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московіею, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволия сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вѣстѣ преданностію Московщинѣ — Мартынъ Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ ⁽¹⁾. Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, изъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность — оставаться въ повиновеніи московскому государю ⁽²⁾. Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федератисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ.... Но народъ былъ на слишкомъ низкой степени развитія и всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ виленьскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и *протекцій*.

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какого требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный,

⁽¹⁾ Ист. о през. бр. 1. Лѣт. Велич. 29. Лѣт. пов. о Мал. Рос. II. 2.

⁽²⁾ Лѣт. Самов. 29. Лѣт. Велич. I. 309—312.

онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родственниковъ и друзей, — признавали Юрія гетманомъ на Чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ ропотъ между старшинами и заслуженными козаками. Иные вспоминали свои раны и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; другихъ волновало явное нарушеніе козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человекъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, отклоняя козаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ Путивльскому Зузину, что гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, «а впрелѣ какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю.» Такимъ образомъ въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. «Послѣ трудовъ воинскихъ,» выражался онъ, «я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.» Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: «гетманъ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покаместъ Юрій Хмельницкій вырастетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ.»

Иезуитская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говорить украинскій лѣтописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его опасное положеніе, съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что козаки ропшутъ и не хотятъ повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что ему дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радю отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и низачто не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.

Также точно обоимъ Тимофей Носачъ, воспитатель Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ козаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ должностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

Въ воскресенье, 24 августа, довшии ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не все знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворъ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавою въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, осѣняа его.

»Панове рада!« сказалъ Юрій: »благодарю нижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по молодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы друго́го, старше меня и заслуженнѣе. «

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столъ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за писарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою черпильницу — знакъ писарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой перначъ, судьи — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собрание молчало. Козаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и «много было такихъ», говоритъ лѣтописецъ, «которые хотѣли ее взять, но не смѣли безъ воли народа.»

Между тѣмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: «Кого желаете наставить гетманомъ?»

Все молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

«Хмельницкого!» раздалось въ толпѣ; «Хмельниченко нехай буде гетьманомъ!»

«Панове рада!» сказалъ Юрій: «я младолѣтенъ и неопытенъ, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскѣ и печали.»

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

«Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ *Хмельницкій*. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій и Носачъ и все будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ было, такъ и теперь пусть будетъ.»

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

«Не позволимъ, не увольнимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго!»

Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскѣ и предводительствовать козаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

«Пусть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ — войскомъ коман-

довать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.»

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостойнство. Козаки усиленно требовали.

«Дайте время одуматься, панове рада!» сказалъ Выговскій: «Не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени.»

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. «Хмельницкаго! Хмельницкаго!» кричали они, и ломилсь въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннолѣтія, управлялъ Выговскій.

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы пѣхотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была въ восторгѣ.

«Теперь я спрошу вотъ о чемъ», сказалъ Выговскій: «молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъже рада прикажетъ мнѣ подписываться?»

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

«Пусть панъ Выговскій», сказалъ онъ «подписывается такъ: «Иванъ Выговскій, гетманъ на тотчасъ Войска Запорожскаго», потому что въ то время, когда у него будутъ клейноты, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ.»

Простые козаки были просты, говорятъ лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: «добрѣ, нехай такъ! Служи, пане гетьмане, вѣрно его царскому пресвѣтлому величе-

ству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.»

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: »Сія булава доброму на ласку, а злому на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!»

— »Вычитай же намъ«, сказали полковники, »новообранный пане гетмане, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на якихъ воляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества.»

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ велухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

»На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ войскомъ запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдастъ своимъ непріателямъ.»

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго, — Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву только тогда, когда его принудили козаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и льстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока съечевое товариство не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ ⁽¹⁾; отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенёвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Бенёвскій присланъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ обѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступить къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

(1) Величко, II, 307.

III.

Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была не полная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взялъ булаву, но только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія козацкихъ правъ, онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней все сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новоизбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немиричъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немиричъ снова отдался служить козацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ *писаремъ*, а не *гетманомъ*, хотя царь уже извѣстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобы Запорожское Войско отправило къ шведскому королю посланцевъ совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своими, и стнудь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнить приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлался такъ: «когда гетмана Бѣгдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя.»

Артамонъ Матвѣевъ сказалъ: »Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалюя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казанскому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольному и ржевскому намѣстнику, Богдану Матвѣевичу Хитрову, да думному дьяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и велѣть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человекъ было прислано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ конными и пѣшими людьми, да велѣно также боярину Василю Борисовичу Шереметьеву выслать конныхъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы.«

Гетманъ, разумѣется, обѣщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромодановскимъ, въ Переяславѣ, другой, съ Лянуновымъ, въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, потому что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Нужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи, съ стороны польской — Бенѣвскій, со стороны шведской — Немпичъ, по извѣстію кіевского воеводы, явились туда же. Сами между собою противники, они тутъ невольно дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обоихъ соперника. Рада происходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему прислапаны отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежнія вольности отнимать. »Я въ неволѣ быть не хочу«, прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

»Мы«, говорили козацкіе чиновники, »будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было переменъ, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.«

Выговекій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада.

На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ введодою на провѣдки, посадскій человѣчишко Николка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе. (»И я Николка былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада«, доносилъ онъ своему начальству въ *роспросѣ*).

Выговекій сказалъ: »при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать никакихъ дѣлъ. Нынѣ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ »подданство«, переименовалъ Николка: въ писмѣ Бутурлина просто — *союзъ*, а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочеть, чтобы Антона Иддановича наказать: »вы уже«, говорить, »прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану и Ракочию венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?«

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать козакамъ покорность.

»А только намъ«, продолжалъ онъ, »отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить?«

Выступили полковники: пѣжинскій Гуляницкій, полтавскій Пушкаренко, прилуцкій Дорошенко, иркѣевскій Джеджалы, и сказали:

»Мы не отступамъ отъ присяги, данной его царскому величеству.«

Другіе начальные люди, сотники и есаулы съ лѣвой стороны Днѣпра

повторили тоже: »мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.«

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить, — вмѣсто совѣта, они закричали:

»Якъ ти намъ прирадишь, такъ ми й бѣдемо!«

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакаая имъ, сказать:

»Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.«

Но правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ («имени его не упомяну», говоритъ свидѣтель) отзывались не въ такомъ духѣ.

»Намъ, пане гетмане и всѣ паны-рада, не ладно быть у царскаго величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальныя его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять!«

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

»Вы, панове, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чините; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!«

Наконецъ порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

»И всѣ тогда«, пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю, — »межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было.«

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, по сказанію украинскаго лѣтописца, наложилъ на себя какъ условіе, когда козаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Миневского и сотника Ефима Коробку — просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпустилъ Бенѣвскаго съ дружелюбными увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенѣвскимъ пріѣхалъ другой гонецъ

и агентъ Вороничъ. Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенёвскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на козаковъ, своихъ *душмановъ*, вмѣстѣ съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Бенёвскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничъ — по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшѣ; но козаки не дозволяютъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время, союзъ хана съ Польшею болѣе всего не дозволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбливаютъ московскаго владычества, и ханъ первый подаль желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посла своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестью у земляного ваза. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. «Принимая гетманство», говорилъ ему архиепископъ, «ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества.» Сказавъ это, епископъ оскрестилъ крестомъ новизбраннаго вожда.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. «Но я теперь опасуюсь», прибавилъ онъ, «государева гнѣва, что безъ его указа выбранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.»

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

»Когда мы, козаки, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляхскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папешекской вѣрѣ, либо въ униі.»

Бутурлинъ, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

»На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправленіе: обираютъ тебя на Богданово мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбляйся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ свѣше прежняго.»

—»Когда только меня стали выбирать въ гетманы«, сказалъ Выговскій, »я не хотѣлъ брать на себя этого реймента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества!«

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлинъ отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николина дня, между тѣмъ возрасло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Не смотря на подозрѣніе, которое раждалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совсѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ смрти Богдана, онъ, Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріатели сдѣлаютъ нападеніе на Украину, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и наконецъ описывалъ внутреннее безпокойство края. »Послѣ Богдана Хмельницкаго«, — говорилъ онъ, — »въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунты; а какъ скоро ты, окольникій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичъ, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостію Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожѣ большой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и измѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольникій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, браг-лавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живымъ Богомъ общаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за него, великаго государя, держимся.«

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые объявляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украину. Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Ромодановскаго за Днѣпръ, Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодованіемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостоять туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отпавилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ-подъ земли зарытые имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселія пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человекъ трезвый, но чтобъ понравиться толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывалъ бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгѣ кричали: «отъ щірий, не гордый козакъ!»

IV.

Въ Литвѣ, въ последнее время, распространилось козачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; ханы самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно послѣднему, поступили теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывшій наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь козаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. «Война наступаетъ» — представлялъ онъ, — «козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли и въ осадахъ сидѣли.» 27 августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводъ мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копильскаго, минскаго. «Воеводы», писалъ онъ, «отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ, требуютъ съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, рѣжутъ имъ чуприны, бьютъ кнутаи и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно». Полковникъ приписывалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотреть, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисецъ, измѣнники воеводы теперь меня и товариство мое преслѣдуютъ, какъ непріятелей«. Въ особенности жаловался онъ на боярина Василя Шереметьева; »козаколъ беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ«, говорить о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерти гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ бояринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Умани и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандъ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а станутъ всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и просить, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуется никакихъ поборовъ...«

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ народѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такими вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣренія защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: «мы, заднѣпровскіе козаки, не привыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ. »Великій государь«, говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину, — »не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ, —мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.«

Противники московскаго владычества толковали народу: »вотъ, какъ возмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чорныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носить не вольно будетъ; поповъ своихъ нашлютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять козаковъ, да и тѣ на Запорожѣ; а тѣ, что въ городахъ будутъ, тѣ службу станутъ держать подъ капитанами.«

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородѣ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ каждаго города и мѣстечка по пяти человѣкъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобы раздражить еще болѣе народные интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь приказываетъ собирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

»Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?« сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки — говоритъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго, — сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что едимъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и атаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитатъ простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело совѣтъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: »мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ, —мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ.« Такіе отвѣты послѣдовали изъ всѣхъ со-

тень. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинецъ и пульки наготовить, въ походъ за Днѣпръ пойдутъ. — »Мы за Днѣпръ не пойдемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и пойдемъ, когда царскій указъ будетъ.«

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду и отдавалъ свое полковничество, и положилъ булаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтоженіемъ козакаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говорилъ московскому послу лубенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придутъ къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбиваемъ; и мы и мѣщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братією, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царекаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ.

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что прійдетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановить государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правилъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, доброхотъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковники да старшины; и это дѣлаютъ они для своего лакомства: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовла-

стіемъ, ибо уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человека старшинъ, а войску изъ ней заплаты нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непременно государь прислалъ воеводъ и взялъ на себя все наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.»

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василя, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кievскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещериновъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

«Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣетъ быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панами, нашими начальными! все мы сего ждемъ, а я желаю, чтобъ единого небеснаго Христа царя имѣючи, и единого царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе царю, того дождати!»

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы престогаго народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и прощется — и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячъ; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привилегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутація отъ простаго народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ, съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожець, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хотъ Хмельницкій и сдѣлалъ его писаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радъ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ;

последнее мѣсто правилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводъ и московское управленіе. «Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ», говорили они, «да козацкая старшина не допускаетъ ради своей корысти.» Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирався съ своей стороны итти съ родовыми козаками умирять Запорожье и приказалъ разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинецъ и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишить продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умоляя его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержать посланцевъ. «Пусть бы, государь», писалъ онъ, «покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру православную и за достоинство государя, при женахъ и дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы.» —

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и покорности и возбуждалъ неудовольствіе гетмана на толпу повѣсъ, пришлецовъ изъ Украины. «Тѣ, которые поднимали бунтъ», писалъ онъ, «пришли изъ миргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки зимовчаки ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.»

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дѣлали бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернилъ всячески Лѣсницкаго, указывалъ, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всѣмъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ научаетъ народъ къ неповиновенью и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить козацкія вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобы склонить козаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣтъ имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ нихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ полковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины и выборные козаки. «На Запорожьѣ», объясняли они, «людей вовсе немного, всего тысячъ пять, и тѣ не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.»

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

«Мы не чаемъ бунта», говорили они, «потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобы собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городовую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ будетъ и прочень; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется.»

— «А прежніе гетманы гдѣ выбирались?» спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбрались на Запорожьѣ. «Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?»

«На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались», сказалъ Миневскій, «и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ.»

Бояре замотали себѣ на усь, что Миневскій говорилъ въ-одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдѣ сказано, что такъ-какъ козаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ безъ

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже постигъ одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украинну подъ предлогомъ извѣстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что дѣлается на Украинѣ, и любить ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

»Вотъ, сказываютъ«, говорили поселяне Рагозину, »будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придуть къ намъ, а мы это му и рады.«

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и непріятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные — тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнѣйшій врагъ, который образовалъ около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкаръ; пользуясь разстройствомъ народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкаръ надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, сносится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сноситея съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкаръ отправилъ къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша ⁽¹⁾. Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравниенію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоплеменцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастье. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомовныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинѣ отъ разореній, смутъ и отвычки къ работамъ во время непрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень и пивоварень, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймиты; не имѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ теперь бѣжали козаковать — въ надеждѣ отомстить за побои хозяевамъ и присвоить ихъ имуществу, для того, чтобъ пропитъ и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что носило названіе *голоты* (т. е. голи, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, по замѣчанію лѣтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи ⁽²⁾.

Пушкаръ составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейнеками*, (т. е., можетъ быть, *де-не-яки*, кой-какіе), и въ короткое время у Полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ.... ⁽³⁾ и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмутились; посольство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисныка* Тимоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагать миръ.

⁽¹⁾ Лѣтоп. Величка, I. 317.

⁽²⁾ Лѣтоп. Величка, I. 328.

⁽³⁾ Кратк. повѣст. о Коз. Мал. Нар. 83.

»Чи не такъ«, сказалъ Пушкаръ, »Виговський хоче менѣ зъ собою погодити, якъ погодивъ въ Гадячомъ браттю нашу, луччихъ одъ себѣ товаришівъ Війська Запорозького, поутинавши імъ голови?... але не дїжде сего!«

Приказалъ Пушкаръ оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное ⁽¹⁾.

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути простые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междоусобной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затяжніе* полки (*затяжці*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25 генваря 1638 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Сербіна, и Малороссіянъ, подъ предводительствомъ Богуна. Они должны были напасть на Полтаву въ расплохъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человекъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и были отосланы къ московскому воеводѣ, пріятелю Пушкаря. Лѣсницкій, узнавъ о несчастіи, дѣлалъ кличъ по всему миргородскому полку, призывалъ сѣсть противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ ⁽²⁾.

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новоизбранный архипастырь, Діонисій Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

»Хотя ваша святительская милость«, отвѣчалъ Пушкаръ, »и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

(1) Лѣтоп. Величка, I. 323. — (2) Лѣтоп. Величка, I. 325.

веніе извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не желаетъ добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (¹).»

Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и дейнѣки повсюду грабили жилищныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражалъ всѣхъ имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже козацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посолъ ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасались, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить своеободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе ничего не значить. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрешиться съ пріѣздомъ боярина. Зловѣщіе слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣницкій стали друзьями. Многіе готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово пріѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ просить, чтобъ рада была не въ Переяславѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ гонцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: »это тебѣ за то, чтобъ, пріѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто.«

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ пріѣдетъ на раду. Выговскій былъ предъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужъ путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Мос-

(¹) Истор. М. Росс. II. прим. 12.

кву. Выговскій обѣщавъ ѣхать какъ только утихнетъ волненіе и кончится дѣло, по которому пріѣхалъ бояринъ Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибыль гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: »Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.«

На раду прибыль и новоизбранный митрополитъ Діонисій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибыль въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

»Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себѣ отовсюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ.«

Съ негодованіемъ выслушали козаки официальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

»А бодай того ніхто не діждавъ, щобъ Вигівського зъ булави за порозької зкінули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не зділали, щобъ ви право наше козацьке — обірати гетьмана — у насъ відерли; Вигівський голову смѣживъ, насъ зъ тяжкої неволі лядської визволяючи; всі при німъ умирати, изъ нимъ жити готівіємо; то вся Україна: полковники, осаули, отамани, сотники и чернь, поприсягаємо!«

»Згода! згода!« раздалось множество голосовъ.

»Все«, говорилъ какой-то полковникъ, »все, що царь и ти, боярине, намъ скажешъ, ми учінімо, а зъ рукъ у себе обірання гетьмана відерти не дамó: на те постріли рани й люту смѣрть у битвахъ зъ ворогами одважно терпимó, щобъ дослужити слави й чести въ нашимъ козацькімъ народі!«

— «Если такъ, паны рада», сказали бояринъ: «если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сноситься съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считатьъ непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ, кто будетъ его царскому величеству непріателемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества (1).»

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Воевода изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь присылалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами козаки хвалили это.

«И теперь», говорилъ бояринъ, «великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашии отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устроить осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые собирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ собираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.»

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. «Тогда», говорилъ онъ, «если непріятели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріятелю пустошить городовъ и уѣздовъ;

(1) Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Climact. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятеля, не будетъ никакой нужды, и вамъ всеѣмъ будетъ охотѣе служить: будете знать, что дома ваши цѣлы и не разорены: воеводы берегутъ.»

Простые козаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

«Но въ которыхъ именно городахъ», сказалъ Выговскій, «надобно быть воеводамъ, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство.»

Посолъ требовалъ, чтобъ козаки, водворившіеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ козацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радѣ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патріотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожило козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впоследствии уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорію, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Поляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго разширенія козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевского, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ отсюда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ дома—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со всѣхъ сторонъ землею, и такъ оставляли жильцовъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

«О всѣхъ тѣхъ людяхъ,» отвѣчалъ Выговскій, «мы сдѣлаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію.»

—«Великому государю учинилось вѣдомо,» сказалъ бояринъ, «что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не старецъ, и теперь уже скинулъ съ себя чернеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ; онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинить ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; и потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели, гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству.»

Гетманъ отвѣчалъ на это:

«Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что-нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.»

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбежна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія вилenskaго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

«Мы», отвѣчалъ гетманъ, «готовы идти на польскаго короля и велѣли написать универсалы, чтобъ разослать козакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достояніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ cadaго царскаго непріятеля пойдѣмъ покорно, по царскому приказанію.»

Наконецъ бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ козаковъ къ царю — *вѣчными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листѣ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вѣчными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгѣ пишутъ васъ отъ великаго государя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ козаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе; а если бъ васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.»

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что нибудь и отвѣчать на него; оставалось молчать, потушивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямить и добра хотѣть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и бояринъ изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говорить, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому и всѣмъ старшинамъ и духовенству и многимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе ⁽¹⁾. 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда бояринъ находился въ Переяславѣ, Пушкаръ со своими дейнеками стоялъ въ Гадячѣ; власть его рас-

(1) Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: миргородскій — Лѣвницкій, черниговскій — Іоанникій Силичъ, корсунскій — Тимофей Анкиѣвъ(?), каневскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, прѣлѣвскій — Матвѣй Пацкѣвъ(?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суличичъ, пѣжинскій — Григорій Гуляницкій, кievскій — Павелъ Яненко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кievскій — Василій Дворецкій.

ширяться на побережьѣ Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ было итти прямо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ царскій бояринъ, пріѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. Притомъ, разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкаръ стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрову въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую рать и приходить къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссянъ. Онъ отправилъ снова козака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, — увѣрялъ онъ всѣхъ, — помирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, писемомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю, увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производить смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ непріятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда какъ Пушкаръ, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъяслялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ то же время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиновниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкаръ старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недостойнъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

»Побѣдите«, сказалъ Пушкаръ, »якій огонь зъ сѣго разгорѣтця!«

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олфимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

»Не я нападаю на Выговскаго«, отвѣчалъ Пушкаръ, »а Выговскій нападаетъ на меня, хочетъ принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподанный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себѣ, такъ и всѣмъ вѣрноподаннымъ, царскаго заступленія и покровительства⁽¹⁾.«

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкаръ продолжалъ посылать въ Москву доносы за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволитъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкаръ и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московіи, естественно должны были въ Москвѣ правиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстную независимость.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложить. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. »Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ)

(1) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II. 4.

«окольныхъ его царскаго величества часто ко мнѣ пишутъ; но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотятъ вмѣстѣ идти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, стоятъ уже на Кисляхъ съ ханскою великою ратью. «Заднѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. «Ума не приберу, какъ мнѣ и быть», писалъ онъ въ Кіевъ, «куда мнѣ повернуться не знаю.»

Въ Москву поѣхалъ Лѣсницкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апрѣля, писалъ къ путивчскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемого извѣстія въ Москву: «Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на столицу не думаетъ; вездѣ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ!»

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берега Прутія. Прибылъ старинный пріятель козаковъ, побѣдитель при Батогѣ—Карабей съ ордою, которая, по сказанію одного современника, простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, по извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и послѣ привѣтствій уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать одни другимъ и идти повсюду, гдѣ бы ни предстояла опасность кому нибудь изъ союзниковъ. Козаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась ве-

саяла пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татаръ присягу или шерть по ихъ закону ⁽¹⁾.

Въ слѣдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Оно усилилось, когда въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джеджалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бесѣды, услышалъ такіа двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчалъ и пилъ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джеджалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него копьё: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивши, гордо кричалъ: «Лежить собака, що козацькую кровъ Ляхамъ та Татарамъ продає! У чорта теперъ гроші лічитимеш!» Но гетманъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій лагерь ⁽²⁾.

Неизвѣстно, какъ расплатился Джеджалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ ирклѣвскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время послѣдней Переяславской рады при бояринѣ Хитрово, вмѣсто его полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матоей Пацкѣвъ (Пацькѣ?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Паволочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кіевскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кіевскій полковникъ Павелъ Янѣнко-Хмельницкій, наказный кіевскій полковникъ Дворецкій, кіевскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ Украинцы, кричали: «уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придуть, начнутъ враги церкви Божіи раззорять, людей нашихъ въ полонъ погонять.» Нѣкоторые письменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонилъ бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

(1) Лѣтопись Самов. 29.

(2) Hist. panow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clim. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинъ получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москаля стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: »Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ еродниковъ нашихъ и козаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чистъ.« Бутурлинъ послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщая, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцемъ отъ гетмана и всего Запорожья; за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительной просьбою объ усмирении мятежниковъ. Малороссіяне объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и раззорили бы весь край. «Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, собразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились прельстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска просилъ комиссаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ, чтобъ такимъ образомъ отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться козаками; ибо отъ этого происходятъ и смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывать на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Миргородъ; »объ этомъ«, говорилъ Лѣсницкій, »и гетманъ и все Запорожское Войско бьетъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для войска: смириѣ станетъ. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше.«

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаромъ для реестрованія козаковъ боярина Василья Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись

по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкаря, Лѣсницкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы раззорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмысленными; послали къ нему стольника Скуратова надзирать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не выдавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаремъ. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы царскій посолъ не подвергнулся опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана полковники и все козацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Велѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ козацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ принять его, но уже плохо срывалъ свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился козакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его идти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посолъ заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣдлать коня; какъ увидѣлъ это вводившій посла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посолъ проговорилъ передъ нимъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказѣ, и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота, онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъяслялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему

Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: «достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя». — «Все у васъ высоко», сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что къ Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ ее самъ и сказалъ:

«Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да голову ему отрубить или прислать въ Войско Запорожское живого.»

— «Такая грамота», объяснялъ Скуратовъ, «отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алфимьевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза, и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побывать.»

Выговскій заговорилъ сердито: «Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его умирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечемъ. Я не домогался булавы, хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово общалъ мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ, да не только не привелъ, но пуще ободрилъ его, подарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что государь вольность намъ общаетъ нече того, какъ было при польскихъ короляхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинить во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; подавали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было; все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никакихъ не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь пишетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьюдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало.

Не впервые къ нему такіа грамоты посылаются, да Пушкаръ ихъ не слушаетъ вовсе.»

— «Это уже въ послѣдній разъ», сказалъ Скуратовъ; «подожди, панъ гетманъ, что сдѣлаетъ Пушкаръ. Если онъ теперь не учинитъ по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать.»

«Ты, столыникъ», сказалъ гетманъ, «пріѣхалъ проповѣдывать, а проповѣдывать тутъ нечего, — все явно; вѣстей про непріятеля нѣтъ; я иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ: онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дубраву. Я съ нимъ хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву покину, а самъ пойду къ Волохамъ или Сербамъ или къ Мультинамъ, — вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣрить во-рамъ, которые государю не служивали, на степи царскихъ людей убивали, казну царскую грабили, — тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаетъ, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское.»

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщалъ, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

«Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь потакаетъ Пушкарю; самъ Пушкаръ толкуетъ, что во всемъ войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ поръ, пока воеводъ не пришлютъ. А при короляхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было чело-вѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили.»

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали, хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17 мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой шатеръ. Гетманъ уважительно поднялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

«Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобы все дѣлать по своей волѣ. Отъ

чего бунты начались? — Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ бывало: какъ начали *ломать* наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ и теперь въ Колонтаевѣ задержаны наши козаки и Сербы, и терпятъ муку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ. Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынджу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? подержали, подержали, да и выпустили, а его бы въ войско — вотъ бы и бунты унялись!»

— «Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ», сказалъ Скуратовъ; «великому государю неизвѣстно, что твои козаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа; и какъ только твои посланцы пожаловались — сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу перемѣнить; а Михайло Стрынджа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены.»

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

«Тебѣ нельзя идти со мною», говорилъ Выговскій; «оставайся въ Голтвѣ, пока я кончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ пушкареву совѣту много черни пристаётъ и кое-кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, я пойду и буду тебя извѣщать.»

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Дѣсницкій и извѣщалъ, что царь принималъ его отлично; а Пушкаренкова посланца, Искру, велѣлъ задержать въ Москвѣ. Выговскій былъ доволенъ расположеніемъ московскаго правительства, и прежде чѣмъ приступить къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ не прочь исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкаръ. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и веѣмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. «Мы не знаемъ до сихъ поръ», писалъ гетманъ, «съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинить похвалки на войско наше, общаются грабить пожитки наши и убивать насъ. Только и слышно о безпрестанныхъ убійствахъ; мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ

какія-то грамоты и возмущаютъ и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что прислалъ государь къ Пушкирю съ дворяниномъ Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; пришли-те двухъ своихъ товарищей прочитатъ ее, — увѣритесь, что царское величество не соизволяетъ никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ Прокопія Бережецкаго и Ивана Богуна, и миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что не хотимъ проливать крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ — свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надѣлалъ, однако мы не лишили его маетностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и все доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается. «

Товарищи не прибыли съ покорностью. Между тѣмъ въ маѣ была первая стычка Пушкиревецевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всею обоюзомъ подвинулся къ Полтавѣ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтвѣ. «Не кручинься, прошу твою милость», написалъ къ нему Выговскій съ похода, «что ты оставленъ въ Голтвѣ, ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобъ ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено; я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкирь, и если мы помиримся, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству. «

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хвалили Выговскаго, другіе

Пушкаря, но вообще простой народъ, чернь, явно склонялся на сторону послѣдняго. Простые козаки бѣжали толпами изъ войска Выговскаго. Козаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямилась и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и разорить мѣстечко, если они не послушаютъ. «Куда я ни ѣхалъ», писалъ Скуратовъ въ Москву, «съ кѣмъ только ни говорилъ, козаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей, но заднѣпрскіе не того желаютъ: »Пушкарь, — говорятъ они, — хочетъ, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будетъ, мы не допустимъ!»

Поразвѣдавши что нужно, царскій посланникъ опять сталъ требовать, чтобъ гетманъ допустилъ его находиться при себѣ. Неизвѣстно, какъ случилось, — позвалъ ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его воли пріѣхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ былъ въ козацкомъ лагерѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ орду въ ущельѣ въ Соколѣмъ-Байрактъ; потомъ съ козаками и нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ нѣмцевъ въ долину Полузори, а самъ съ козаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ въ виду города между селеніями Жуками и Рябцами на полугорѣ такъ, что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался-было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейнеки взбунтовались, кричали, что войска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голоту соблазняли возы въ обозѣ Выговскаго: голо́та не предвидѣла, что Выговскій рассчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

4 іюня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во все стороны. Голо́та бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: «тутъ» говоритъ лѣтописецъ, «они не надѣялись конца своему счастью.»

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ пріѣхалъ въ долину Полузори и двинулъ впередъ Нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Соколѣи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили имъ

бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горілку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная глота не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкаръ держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно. Негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско. Наконецъ, какой-то козакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесть къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, по замѣчанію лѣтописца, удаленная отъ войны въ продолженіе сорока девяти лѣтъ, со всѣмъ окрестнымъ краемъ, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насилывали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дни, пока наконецъ войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Ордѣ разорять отечество. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволие Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, те козаки отбивали у нихъ и плѣнниковъ и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вину на своевольныхъ козаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу. ⁽¹⁾

Въ то же время Гуляницкій умирилъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держалъ сторону Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволѣ долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убѣждалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпамятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгала, сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго — Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

(1) О битвѣ съ Пушкаремъ — лѣтоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

ницій пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Все покорялось Выговскому. Мятенная голота бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявлялъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это не понравилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману козакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковского полковника: полковникъ извѣщалъ его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ велѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ, гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводу боярину Хитрово, но, разумѣется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ извѣтельно и рѣзко.

«Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали опять заводить бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-церковь назначенъ; а я еще въ Кіевѣ говорилъ: пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись».

— «Не за дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь», замѣтилъ ему Скуратовъ: — «ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы.»

«Нѣтъ», сказалъ гетманъ: «я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человекъ драгуновъ, да тысячу человекъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Ѳеодоръ все мнѣ рассказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говорилъ, что ему сказывалъ Артемонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохолъ да и водить какъ угодно!»

— «Если», возразилъ Скуратовъ, «тебѣ нужны были ратные цар-

скіе люди, отчего же ты не взялъ ихъ у окольногочаго и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольными Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорятъ тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкаютъ по своимъ дѣламъ да отговариваются, — хотять себя чѣмъ нибудь оправдать. Потѣжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артемонъ говорилъ; Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артемонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Если бѣ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ и грамоту на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

«Мы», говорилъ Выговскій, «воеводъ не просили у государя; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.»

— «Какъ же, панъ гетманъ», возражалъ Скуратовъ, «ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота, и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во все государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое вспоможеніе. Ты взялъ эту грамоту, прочелъ ее, и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.»

«Я никогда», говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, «не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ, такъ пусть и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначу; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями бьются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управился. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ мятежниками, такъ наши Нѣмцы взяли у нихъ московскій барабанъ!»

— «Да я же самъ», возражалъ Скуратовъ, «былъ съ тобою вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, я только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Моска-

ля изъ нашихъ украинскихъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что ска-
зываешь, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а
бубень; такіе у насъ бывають у медвѣдниковъ. А хотъ бы и въ самомъ
дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ что жъ тутъ такого? Малороссіяне
ѣздятъ въ царствующій градъ Москву, и въ разные города пріѣзжаютъ
и покупають, что имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нѣтъ. Лю-
дей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка.»

«А зачѣмъ же украинные воеводы», говорилъ Выговскій, «моихъ
измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ доволь-
но въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ.
Наши бездѣльники надѣлають здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе
города, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобы мы госу-
даревыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отда-
вать вашихъ злодѣевъ, что къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ горо-
довъ, и воеводѣ къ себѣ не пушу въ города. Какъ государевы воеводы
съ нами поступаютъ, такъ и мы съ ними будемъ поступать. Государь
только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ;
въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ
королемъ намъ хорошо было: къ нему достушъ прямой, и говорить мож-
но все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ.»

— «Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было
хорошо; только, вспоминаячи объ этомъ, слѣдовало бы вамъ плакать.
Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и
терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между ва-
ми униатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго го-
сударя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милости-
вому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ
непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ знать, и
не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воево-
ды ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты
чинишься царскому указу не послушень.»

«Я», сказалъ Выговскій, «радъ служить вѣрно царскому величе-
ству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны, — отъ нихъ только бунты
начнутся.»

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ
того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего войска просилъ
присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать переносъ въ ко-
зацкомъ войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

»Не надобно, не надобно воеводъ!« кричалъ Богунъ: «женъ и дѣтей нашихъ пріѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводою: ну, смотри, нездорово будетъ!»

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богунъ. »Перестань!« сказалъ послѣднему гетманъ: »это не теперешняя рѣчь!»

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ общался ѣхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бунты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ очень холодно: »Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челомъ: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ опасаясь.«

17 июня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами пріѣзжалъ крымскій посолъ подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракоція, и Выговскій отправилъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро пріѣдетъ посолъ, знакомый козакамъ, Янъ Бенѣвскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ.

Неизвѣстно, какъ и когда уѣхалъ Скуратовъ, но въ іюлѣ его не было въ Чигиринѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Україною, гдѣ его полюбили: Бутурлинъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто изъ-за дѣла дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ пріѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, преемственной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось....

»Василій Борисовичъ«, говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву, «не только сажаетъ мѣщанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имущества, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во что почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.»

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣлся хорошенько не успѣлъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ. Уже послѣ пораженія Пушкяря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположилъ

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находился у него; съ нимъ были нѣкоторые другіе подвижники пушкаревой партіи: Довгаль, Семень писарь (онъ находился подъ видомъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волѣ). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодействие себѣ. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны; Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не является. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ; «нельзя жить иначе, какъ окружить себя Татарами», говорилъ гетманъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылають отвѣта. «Побѣдивъ Пушкаря», говорилъ онъ, «я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василюмъ Петровичемъ Кикинымъ, а мнѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому дѣлають мнѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ». По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить; онъ оставилъ часть войска въ городахъ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; гетманъ потворствовала народному нерасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козель извѣстилъ его, что въ Гадачѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними, какъ съ непріателемъ. По обычаю, пограничныя воеводы отправляли своихъ людей провождать вѣстей въ Украину; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинные молодцы Сѣверской земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшѣ, къ 10 іюля, собирався сеймъ. «Въ настоящее время», писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ, «для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коммиссія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ цѣлію утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Москвитянами — двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободного избранія государей» ⁽¹⁾.

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украины депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украину, дабы впоследствии, когда Московія и Польша соединятся, и Украина могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не выплютъ козацкихъ депутатовъ; паны принуждены были удалить козаковъ на предмѣстіе ⁽²⁾. Чрезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы приписывали эту перемену вліянію козаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украины, чтобъ Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексею Михайловичу, а права Украины обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые комиссары для заключенія договора съ Украиною ⁽³⁾. Депутаты сейма, обнадеженные возможностью присоединить Украину къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали посламъ московскимъ назначить комиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію ⁽⁴⁾. Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

⁽¹⁾ Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 345. ⁽²⁾ Hist. pan. Jan. Kaz., 347. ⁽³⁾ Hist. ab. exc. VI. IV, 416. ⁽⁴⁾ Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенѣвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами ⁽¹⁾, держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Θεодосія Томкевича, который вкрался въ довѣренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козацкимъ правительствомъ и Бенѣвскимъ ⁽²⁾. Сначала Выговскій повидимому подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій отвѣчалъ съ благодарностію, но не показывалъ охоты къ возобновленію подданства Польшѣ ⁽³⁾. Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтъ своемъ соглашался, — съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: «по Божіему устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благородства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости ⁽⁴⁾». Онъ казался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Пивеска, отдавашагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки выгнали оттуда козацкій гарнизонъ ⁽⁵⁾.

Мало по малу все измѣнялось. Весною неутомимый Бенѣвскій писалъ, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Московіею, и приписывалъ это своимъ трудамъ ⁽⁶⁾. Къ-сожалѣнію, неизвѣстны всѣ продѣлки, какія употреблялъ этотъ ловкій дипломатъ, чтобы внушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московскому правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать старшинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что склонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣми недоразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Бенѣвскому Тетерю, самаго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя ⁽⁷⁾. Что касается до Бенѣвскаго, то этотъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обѣщанія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

(1) Пам. кiev. комм. III, 3, 161. 181. 190. 191. 202. 203. 204. 244. 248. 251. 270. 211. (2) *ibid.*, 217. 219. 220—227. (3) *ibid.*, 166—169. (4) *ibid.*, 173. (5) *ibid.*, 362. 193. 212. (6) *ibid.*, 221. (7) *ibid.*, 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ ⁽¹⁾.

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинныхъ воеводъ; между тѣмъ гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Выговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всеѣмъ полкамъ приказанія, чтобъ все были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его проискамъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоинъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и козаковъ не вѣрить прелестнымъ письмамъ, которыя разсылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клеветуютъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно перемѣнился. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю; потомъ выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мѣстъ пишутъ мнѣ полковники и сотники и эсаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня извести. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всеѣмъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Буду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государевы ратные люди вздумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

(1) Ibid., 239.

шемъ малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ построенъ по указу его царскаго величества.»

— »Объ этомъ«, возразилъ ему посланецъ, »тебѣ, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и околѣничій князь Ромодановскій посланы были по твоему челобитію. Нечего тебѣ вѣрить письмамъ твоихъ полковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бѣ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ писать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значить: ты преступаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное цѣлованіе.«

»Много я писалъ«, отвѣчалъ Выговскій, »и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперь только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами.«

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свиданіе.

»Уже не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ«, сказалъ Выговскій, »о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки собираются, тогда и разговоръ у насъ будетъ.«

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Оедоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значить, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человекъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Велѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ проходящими, получать и передавать вѣсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворъ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отрядомъ козаковъ, взяли обоихъ посланцевъ и съ ними провожатахъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. »И терпѣли мы«,

доносили Портмоинъ, «и голодь и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде.»

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевъ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войскаго суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ напалъ на него козацкій отрядъ черкаскаго полка, подъ начальствомъ черкаскаго полковника Джулая. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телѣги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого времени, какъ рассказывали, случилось будто бы сдѣдующее происшествіе.

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкѣ современныхъ лѣтописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, вѣроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

«Это еще не все», говорилъ козакамъ гетманъ: «перебѣжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ».

Раздались крики негодованія.

«Чого ще маємо ждати? Ходили до громади и до оборони саміхъ себѣ и старшини, присягали єдинъ другому лягти, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину.»

Выговскій воспалялъ такой духъ, выкативши козакамъ нѣсколь-
ко бочекъ горілки (1).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ мало-
російскаго лѣвобережнаго края. А между тѣмъ, разсылались универса-
лы по всей Украинѣ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Мос-
калей.

Настроенные противъ Москалей козаки стали вездѣ задерживать,
грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдѣ только встрѣчали въ своей
землѣ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода
готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь,
конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло
пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни проѣзда: »и
твоихъ государевыхъ проѣзжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ
Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману
Ивану Выговскому«, доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, попысился взять Кі-
евъ; съ нимъ было пять полковъ: бѣлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій,
брацлавскій и поднѣстрияскій.... Но порученіе окончено очень неудачно.
Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на пастбищѣ и уда-
рили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ для на-
блюденія за приходомъ непріятеля. Сторожи побѣжали и дали знать въ
пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посадъ,
перебили нѣсколько Великороссіянъ, зажгли посадъ, чтобъ очистить
мѣсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный
приступъ на городъ. Но Великороссіяне вышли изъ города, напали на
козацкіе окопы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литав-
ры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдава-
лись, другіе пустились бѣжать и хотѣли переправиться черезъ Днѣпръ,
но потонули. Самъ Данило убѣжалъ раненый. Пѣнныхъ козаковъ под-
вергли пыткамъ. Со страху они старались какъ можно болѣе чернить Вы-
говскаго, и увѣряли, что пошли подъ Кіевъ по неволѣ, что ихъ събили
и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказаніе не
слушаться болѣе гетмана, и отпустилъ ихъ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыски-
вать, мучить, рубить головы—по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать не-
покорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

(1) Hist. panow. Jan. Kaz. 1, 338. Ann. Pol. Cl. II, 308.

мействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Боршполь близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію. Съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Бенѣвскій и Евлашевскій съ инструкціею для заключенія союза. Немиричъ былъ устройтеlemъ согласія.

Х.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалкахъ на великорусскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ какъ злополучный Портомонинъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, какъ идутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посольство ѣхало къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начесть; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человекъ сошелъ съ лошадей; всѣ кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посольство приблизилось къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами козацкими и татарскими?«

Гетманъ ропталъ, что, послѣ умирения Пушкаря, его приверженцы нашли покровительство у Ромодановскаго.

«Барабашъ», говорилъ Выговскій, «именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, а окольнічій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; я это зналъ, и не поѣхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и случилось. Бояринъ неожиданно напалъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мѣщанъ побили. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева!»

— «Какъ же», говорилъ дьякъ, «ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять: а теперь ожидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то, что мнѣ прилучилось слышать о Кіевѣ—это примѣръ, что Богъ свѣше зрѣтъ на неправду и метить за нее!»

«Мы отъ руки его царскаго величества не отступили», сказалъ гетманъ, «а воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ много намъ зла надѣлали: и правъ наши поломали, и церкви Божіи пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невинно погубили. Мы зато будемъ имъ метить и управлять съ ними, пока насъ самихъ станеть. Какъ и при короляхъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперь будемъ стоять.»

Дьякъ замѣтилъ: «это не дѣло подданныхъ—управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестить, а еслибъ что отъ нихъ и было, то можно послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величества и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше вамъ, вспомя свое обѣщаніе предъ евангелиемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, впередъ съ ними не ссылаться и не чинить соединенія.»

— «Этого и въ мысли нашей нѣтъ», сказалъ гетманъ, «чтобъ не упрямься съ неприятелемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустить; не только Татаръ — и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ!»

— «Такъ если вы задоръ учините», сказалъ дьякъ, «то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!»

— «Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показалъ намъ своей милости, не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольниковъ Ромодановскому за его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ и на тѣхъ, кто стоитъ за нихъ!»

— Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковой судъ.»

— «Барабашъ уже въ моихъ рукахъ», сказалъ Выговскій.

— «Зрадлива Москва», сказалъ черкасскій полковникъ Джулай, «дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значить, чтобъ мы его не отбили да не взяли!»

— «Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубоности и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Опъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.»

— «Съ чего это взяли?» сказалъ Гуляницкій: «у меня такого московскаго бѣглаго человѣка нѣтъ и не бывало!»

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненные дѣйствія. Но гетманъ повторилъ тоже, что прежде говорилъ:

— «Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ метить! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиною посовѣтуемся!»

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентябрю, пришелъ къ дьяку Немиричъ и сказалъ:

«Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Боришполь всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучать православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ пересталъ такъ поступать.»

«Я не смѣю», сказалъ дякъ, «писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намѣстникъ бѣлозерскій, человѣкъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ.»

Затѣмъ дякъ началъ просить отпуска.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему зсаулъ Ковалевскій.

«Хотѣлъ бы», говорилъ онъ, «гетманъ и всѣ старшины отправить пословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать — боятся гнѣва царскаго, задержанія и ссылки.»

Дякъ сказалъ:

«Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Потѣжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговори, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные города.»

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

«Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертію и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видятъ да терпятъ, боятся татарской сабли.»

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозѣ скованнаго Барабаша. По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного козака, Барабашъ подъ пыткой сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не прислано отъ царя. Но теперь гетманъ послу сказалъ такъ:

«Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ—будто бы отдавать его въ Войско Запорожское, на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говорить, можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ цар-

скаго величества: перебѣжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велѣно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить.»

— »Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшка Барабашъ говорить воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человѣкъ разсудить: какое ужъ добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденному! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится!»

Послѣ того Немиричъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

»Что дѣлается въ Бѣлгородѣ? спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостями: »много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ?»

— »Багато людей», отвѣчалъ Барабашъ.

»Это Барабашъ на ссору наговариваетъ», замѣтилъ дякъ: »въ Бѣлгородѣ людей немного.»

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предъ гостями въ злополучномъ видѣ.

3 сентября опять позвали дяка къ гетману:

»Говоришь ты, гетманъ» сказалъ дякъ, »что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно!»

Гетманъ на это отвѣчалъ:

»Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ еще не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про всѣ насилія, и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посоветовавшись съ старши-

ною, призвалъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станеть.»

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напоминалъ о присягѣ, о единовѣріи, о царской милости, и просилъ по крайней мѣрѣ удержаться отъ непріятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

«Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ.»

Дьякъ снова началъ убѣждать и страшалъ козаковъ гнѣвомъ Божіимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

«Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указа отъ сего числа три недѣли и четыре дни.»

— «Такъ скоро? Я за дебелостью своею не поспѣю!» сказалъ дьякъ.

«Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ», сказалъ гетманъ, «и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что. Какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажетъ не подлинныя листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотенъ ни мнѣ, ни Войску Запорожескому, и я думаю, что онъ къ великому государю вносить несходныя съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало—кто мнѣ недругъ, и о чемъ нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана рассердить на того, кто пишетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велитъ вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручитъ кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинныя мои листы, а не списки.»

— «Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ», объяснялъ Кикинъ, «по милости его царскаго величества, человекъ честный, навичный книжному ученью и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человека его царскаго величества.»

«Мнѣ мои посланцы сказывали», — говорилъ Выговскій.

— «Посланцы твои», сказалъ дякъ, «пьяницы и баламуты, на сору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрѣя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ.»

Съ этимъ словомъ дякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковою Оеодоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

«Гетманъ», сказалъ Лобода, «положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываетъ, что отправить тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнѣ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъ-подъ власти царскаго величества.»

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

«О справедливости», сказалъ дякъ, «бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти.

— «Войска я не распушу и Татаръ не отпушу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли.»

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и вышпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность тому, что говорилъ Лобода, но посла увѣряли, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).